Восхищение

Автор:
Андрей Козяев

Восхищение

Андрей Александрович Козяев

2033 год. Наш мир стал холодным, голодным местом, полным каннибалов, опасностей и прочего зла. Красивая и сексуальная девушка по имени Вера встречает конец света в лесу в сопровождении друзей ученых. Ей предстоит много странных испытаний в поисках спасения и восхищения.

Содержит нецензурную брань.

Андрей Козяев

Восхищение

1) Восхищение – это чувство радостного удовлетворения, состояние очарованности, восторг.

2) Восхищение – это (ENG rapture)

(от лат. raptus – вознесенный) выражение интенсивного религиозного переживания. Термин "Восхищение" связан также с премилленаристским взглядом, согласно к-рому при пришествии Христа на землю верующие будут "восхищены", или вознесены с земли, чтобы встретиться с Господом в воздухе (1 Фес. 4:17).

Глава 1 “ Весна.”

Июль. По лесной дороге, покрытой толстым слоем серого снега, среди озябших сосен и елей, сквозь туман, бредут путники. Двое исхудавших мужчин, тяжело дыша тянут сани за оглобли. А впереди идет молодая, красивая девушка. Это Вера. Вера о чем-то мечтала, смотрела как медленно падают пухлые снежинки, закрыла глаза и пыталась поймать их языком. Руки замерзли. Она сложила ладони конвертиком, поднесла ко рту и согрела теплом своих легких. Ей было скучно и грустно. И со скуки, дабы поднять настроение, стала напевать себе под нос, старую знакомую мелодию. Это была песня “My Way” Френка Синатра. И постепенно не замечая того, все глубже погружалась в мир грез, и пела все громче и громче. Мужчины уже могли различить слова и один из них стал подпевать. Услышав аккомпанемент, девочка вскинула руки и закружилась в восхитительном танце, но со стороны это было похоже на одиночный хоровод, и потому выглядело забавно. Дуэтом песня звучала намного лучше. Где-то на словах And now, as tears subside, I find it all so amusing, – второй мужчина подошел к Вере, обнял за талию и закружил. Девочка запрокинула голову в объятьях кавалера, казалось, она стоит на месте, а кто-то раскрутил землю и небо, а она все продолжала петь. Первый мужчина подошёл к ним, учтиво предлагая себя в роли танцевального партнера. Вера согласилась, надеясь, что ее опять закружат. Но он, положив ей руку на плечо, и потряс, сначала легко, потом более настойчиво.

– Верочка, солнце мое. Ну чего ты так голосишь? Здесь очень опасно. Твой отец, упокой господь его душу, рассказывал тебе об этих местах? Здесь, во время первого большого переселения с севера, более всего регистрировалось случаев каннибализма. Северяне народ суровый, на все пойдут, чтобы выжить. Нам надо быть аккуратнее если, и мы хотим спастись. И тише, вернее значительно тише. Но голос у тебя шикарный, – сказал Олег и пристально посмотрел девочке в глаза, пытаясь казаться серьезным. Подул морозный ветерок пробравшись мужчине за шиворот, заставив ёжиться в овечьем тулупе до самой земли, из-под которого выглядывали самодельные снегоступы.

Вере стало не по себе. Она поняла, все случившееся сейчас, произошло лишь в ее голове и было плодом ее буйной фантазии.

– Да знаю, – и отмахнулась, – просто скучно с вами, вот я и развлекаюсь. А что такого?

– И в правду Олег? Опять ты про своих людоедов сказки рассказываешь? Мы за две недели никого не встретили. Может хватит бояться? И пора бы на ночлег остановиться, а то как-то не по себе сегодня, – сказал Александр, откашливая кровавые сгустки мокроты. Которые, впрочем, его давно уже не пугали.

Олег на мгновенье задумался, – Да… можно и на ночлег. И не то, чтобы я больше вашего боюсь, просто у меня инстинкт самосохранения развит лучше.

Найдя место для привала, под заснеженными елями, где ветер был не такой пронизывающий, а падающий с деревьев снег не сильно бы их беспокоил, ученые ставили палатки. А Вера бродила по окрестностям, собирая хворост для костра. Но чем дальше от лагеря она отходила, и чем больше в ее руках было веток и палок, тем страннее себя ощущала. Мимолетная тревога закралась в сердце девочки и заставила его биться чаще обычного. Вера застыла, смотрела во мрак вечереющего туманного леса и почувствовала, что кто-то следит за ней, на мгновение увидев себя со стороны чужими глазами. И окончательно испугавшись побежала обратно к мужчинам.

– Это все не по-настоящему. Это все я придумала, – повторяла она на бегу, пытаясь не растерять набранного.

– Так мало? – удивленно спросил Александр, когда увидел с чем вернулась Вера.

– Там страшно, а я девочка. Иди и сам собирай свой дурацкий хворост.

– Ничего, ничего, и этого хватит – приободрил ученый девочку и принялся разжигать костер. Но это ему ничуть не удавалось, влажные ветки никак не хотели забираться, и даже пришлось плеснуть на них самогона.

Видя такое лицо Олега, скривила недовольная гримаса. Он хотел было возмутиться, но усилием воли промолчал, лишь выругался про себя, посылая проклятия на Александра и всю его семью.

А костер тем временем хоть и нехотя, но все-же разгорелся радуя и согревая путников своим теплом. И в его свете, стало видно, какой густой и плотный туман окутал все вокруг, и куполом навис над костром.

– Хороший туман. За сто метров нас никто уже и не увидит, – довольно бормотал Олег, – он как масло, хоть на хлеб бери и намазывай.

И только он хотел предаться размышлениям и порассуждать об опасности грядущего дня, как Вера уже закончила греть ужин. Немного свиной тушёнки и сваренного еще пару дней назад риса, таким был сегодняшний ужин. Впрочем, как и вчерашний, и день до того, лишь порции все уменьшались. Так как путь предстоял еще долгий, и голод становился естественным состоянием. Девочка разложила еду, честно оставив себе самую маленькую порцию, а тарелки протянула мужчинам, и сама уселась между ними.

Глаза ученых заблестели при виде долгожданного ужина, а мышцы глотки стали активно сокращаться, удаляя избыток обильно выделяющейся слюны из ротовой полости. Они уже собирались наброситься на еду, как…

– Постойте. Вы ничего не забыли? – спросила Вера и протянула руки, – А как же молитва?

– О нет! Серьезно? Мы уже по три раза в день молимся. Я чувствую, что скоро смогу воду в вино превращать. Ты меня больше не заставишь. К тому же посмотри вокруг. Зачем молиться тому, по твоему мнению, между прочим, по чьей воле мы оказались в такой ситуации? И ты знаешь я как ученый, и тем более атеист, не могу это принять. Так что хватит навязывать мне свои убеждения, – стал протестовать Александр и с наигранным негодованием смотрел на девочку пытаясь вызвать в ней чувство вины.

Но не сработало.

Привыкшая к такой реакции Вера настойчиво тянула руку, – Ну давай, ради меня. Двадцать секунд всего. Не помрешь. Болтаешь больше.

Ученый понял, что спорить бесполезно и нехотя, но все же согласился.

Все взялись за руки, и Вера стала читать.

– Бог, спасибо за пищу эту, спасибо, что не оставил нас. Веди нас и дальше, и мы последуем за тобой. Пожалуйста, утоли голод тех, кто нуждается, дай сил тем,

кто ослаб, вылечи тех, кто болен. Аминь, – удовлетворённая девочка отпустила руки ученых.

– Аминь, – хором повторили мужчины и принялись есть.

Олег достал самогон, разлил себе и другу. Не чокаясь, они выпили, и Олег разлил еще. – Думаю мы сбились с курса, – сказал он. – Жаль Вити с нами нет. Это было по его части, между прочим. Так что, если придем не туда, я не виноват.

– А ты бы лучше в карту почаще смотрел, а не сказки про людоедов рассказывал, – отвечал ему Александр. Он уже закончил свой ужин и теперь, периодически попивал самогон, вытянув длинные ноги к еле горящему костру, все еще пытаясь согреться.

– Ах да. Каннибалы, повсюду эти нелюди. Скажите спасибо за мою осторожность, ведь мы все еще живы благодаря мне. Но как человек может так пасть? Эти твари сняться мне, и не дают спать по ночам. Скажи мне мой друг, может ли быть что-то более омерзительное чем это? – Олег разглядывал свой стакан со спиртным, словно гадалка хрустальный шар, как будто пытался найти в нем ответ.

Александр на мгновение задумался. Ему совсем не хотелось вступать в полемику с товарищем. Ведь все как обычно закончиться бранью, и все равно каждый останется при своем мнении. Но алкоголь и желание показать умственное превосходство все-таки заставили его говорить.

– Друг говоришь? Так вот, как друг, я тебе заявляю, ты слишком много пьешь, и поэтому плохо спишь. У алкоголика, как говориться, сон крепкий, но короткий. А про людоедов ты уже достал своими разговорами, ты говорил о них вчера, и позавчера, и вот тебе моя позиция на эту тему. Я считаю, антропофагия лишь способ выживания в данных нам условиях, приспособленчество. Новая Зеландия, внутренняя Африка, Папуа Новая Гвинея, во всех этих местах еще недавно процветало людоедство. Даже в мирное время, до прихода долгой зимы. Также это было способом выживания у неандертальцев. Это всего лишь механизм самосохранения. Просто у кого-то срабатывает курок этико-морали, а у кого-то религиозного самоубийства и они не могут это сделать, даже под угрозой собственной смерти. А кто-то может, и я не знаю, хорошо это или плохо. Мясо

есть мясо, чтобы выжить, нужно есть, – Александр хотел было уже закончить размышления, но его голову посетила еще одна мысль.

– Антропофагия синоним людоедства, но людоедство не тождественно каннибализму. Технически, любое животное, съевшее человека, является людоедом. А человек, съевший человека является… правильно – каннибалом. И вот к чему это я. Люди деградируют и становятся животными пытаясь выжить. И их нельзя в этом винить, это их защитный механизм, скорее всего врожденный. Поэтому я не буду называть их каннибалами, я буду называть их людоедами, или антропофагами. Тем самым принижая тяжесть совершенных ими, не отрицаю, все-таки преступлений, – теперь закончив, глубоко выдохнул, так как произнес всю речь почти на одном дыхании, и опустошив стакан, протянул Олегу за новой порцией.

– Дурак ты Саша. Неужели превратиться в животное не самое страшное, что может быть? Неужели ты думаешь, что сможешь снова стать человеком, после того как сам съешь человека? – Олег наполнил стакан Александра, но в расстройстве от этих мыслей, забыл отдать, и уже поднес к своим губам, собираясь сделать глоток.

– Эй полегче, что ты делаешь? Это мой стакан.

Олег почувствовал себя неловко. Стакан он вернул, и чувство неловкости быстро прошло, так как алкоголь быстро всасывался в кровь, и легкая опьяняющая радость уже щекотала затылок.

Ученые продолжили спорить, не заметив, как оставили Веру наедине со своими мыслями. Она смотрела в костер, иногда поглядывая в туман. Ей было не по себе, тревожно и грустно, и до сих пор казалось, что кто-то пристально следит за ней. И эта тревога все усиливалась. Девочка не стала рассказывать об это мужчинам зная их реакцию. Опять ее назовут фантазеркой и трусихой, думала она.

Так Вера молча сидела печально, и грустила. Недавно ей исполнилось пятнадцать, она была юна и хороша собой. Длинные пшеничные волосы и очень, очень милое лицо, которое украшали два серых озера глаз. Сейчас они переполнились водой и у Веры потекли слезинки.

– Вера, скажи ему, что он дурак! – негодовал Олег. – Нет лучше скажи ему, что он идиот. Я не могу общаться с таким ослом, – тем самым, вырвав девочку из мрачных пут размышлений.

– О чем вы, Олег?

– Как о чем? Ты что нас не слушала? Неужели ты поддерживаешь это животное, готовое набить свое брюхо человечиной, дабы спасти свою шкуру? Он ведь и нас может съесть, так что спи чутко.

– Конечно я вас не слушала. Мерзкие вещи говорите, дураки пьяные. Я, спать пойду, – сказала Вера и отправилась в свою палатку.

– Ну и ну дружище. Обидел бедную девочку. И не стыдно тебе? – сказал Александр в шутку, пытаясь вызвать чувство вины в своем друге.

Олег тут же забыл, что сердился, – А что такого? Что я сказал? – бормотал он, и вправду думая, что обидел дочь своего лучшего, а ныне покойного друга. И уже вовсю соображая, как же завтра выпросить прощения.

Тем временем Вера ушла, оставив ученых наедине друг с другом и алкоголем. Костер угас, остались лишь красные угли, которые почти не давали тепла. Олег подкинул пару влажных веток пытаясь оживить огонь, но угли лишь зашипели и потухли окончательно. Он выругался и подлил самогона, в еще не опустевшие стаканы. Опьянение наступало быстро, так как мужчины были худы и слабы. До них донесся голос Веры из палатки, которая читала молитву перед сном.

– Слышишь? Опять молится, бедная девочка. Скажи, чем я ее обидел?

– Да ничем ты ее не обижал. Кажется у нее депрессия, или биполярка, ну или сумасшествие какое. То она мрачная, как сейчас, блуждает в темноте пожираемая своими воспоминаниями, то радостно смеется, обнимается, мигом улетает на свою планету и поет песни. Про Бога талдычит постоянно. И откуда в ней это? Да, определенно биполярное расстройство, – Александр говорил шепотом, переживая, что Вера не спит и может слышать их разговор. – Не думал? Может мы зря ее взяли? Боюсь, мы плохо о ней заботимся. Возможно, стоило отдать ее в приют к адвентистам? Они вроде неплохие, в каннибализме не замечены, и в целом выглядят пристойно

Олег сделал еще глоток и захмелел окончательно. Он пытался сосредоточиться, чтобы не упустить суть, мысли путались, теперь, разговор этот, стал казаться ему невероятно важным.

– Что ты такое говоришь? Как мы могли ее оставить? Мы обещали ее родителям опекать и заботиться о ней. И что ты знаешь об адвентистах? Не ровен час, выпьют отравленный пунш, потравят себя, да в религиозном экстазе отправятся навстречу к Иисусу. Сколько же этих сект развелось? – Олег прервался чтобы в очередной раз пригубить смрадного сэма, он уже не ощущал холода, а еле красные угли стали двоиться в глазах. После небольшой паузы собрался и продолжил, но потерял суть – Безумие. Куда мы идем, зачем? Иногда опускаются руки. А иногда, мне кажется, у нас все получится, и мы дойдем. И вот представь, что мы будем делать? Построим дом, засеем землю, одомашним какой-нибудь скот и сможем выжить. Что дальше то? Вот что дальше, если Верочки с нами не будет? Прожить еще лет сорок и смотреть на твою физиономию? А когда сдохнем, и кто-то найдет наши тела то скажет. Х-м-м…. Наверно они были любовниками гомосеками, – Олег засмеялся и ударил друга по плечу.

– Наверно вот этот был пассив. Подумают они, тыча твое тело палкой в задницу, – вставил шутку Александр. – Наконец-то, вечер становится интересным. Здесь, пожалуйста, поподробнее.

– Так… О чем это я, – пытался из последних сил сосредоточится Олег и вспомнить мысль. – Ах да… не перебивай меня, – и погрозил Александру кулаком. – Если Веры не будет, то все потеряно. Понимаешь? Мужчина, женщина, совокупление продолжение рода. Мы должны быть прагматичны. Мы должны трахаться, совокупляться и размножаться. И тогда мы сможем построить общество. Новое, идеальное общество. Совокупление и спаривание вот, вот о чем я говорю, – уже довольно громко говорил он.

– Блин, говори потише. Ты что несешь, говно старое? – у Александра округлились глаза от услышанного, – Ты хочешь спариваться с Веркой? Ты – дерьмо мамонта об этом думаешь? Пойдем спать, и, пожалуйста, избавь меня от своих больных фантазий, – он поднял совсем опьяневшего друга и повел к палатке.

Олег все не унимался и продолжал бормотать что-то. Не все из этого было понятно, лишь отдельные фразы.

– Пойми она уже не девочка. Она красивая и взрослая, вся в мать. Но мы и тебе кого-нибудь найдем. У нас город будет по пути. Милые дамы, прелестные мадемуазели.

– Хорошо, хорошо, как скажешь. Я бы все отдал за женщину. Только заткнись, пожалуйста, – простонал Александр, пытаясь уложить товарища в спальный мешок.

– Я, секс-машина! Я, агрегат любви! Новое идеальное общество. Свободное… Свободное… – бормотал Олег уже совсем не связанные пьяные мысли. Но как только голова его коснулась подушки, тут-же провалился в сон.

***

Следующее утро началось по обыкновению, ничем не примечательно.

Позавтракав, мужчины складывали палатки, а Вера чистила сани от нападавшего за ночь снега. Она достала из вороха склянок, приборов и провизии, градусник.

– Минус семь, – крикнула девочка, и продолжила хлопотать по хозяйству, прибывая сегодня в прекрасном расположении духа.

Александр достал блокнот, карандаш и стал записывать, зачем-то произнося в слух, – Третье июля. Две тысячи тридцать третий год, воскресенье, минус семь, – после пробежавшись глазами по предыдущим записям сказал – сегодня теплый день. Самый теплый в этом году, – и от радости звонко хлопнул блокнотом по ладони.

Когда со сборами было покончено, двинулись дальше. Олега жутко мутило после вчерашнего, и он нещадно бранил себя за поведение, и озвученные вслух пьяные мысли. Чем Александр не чурался пользоваться, подтрунивая над ним.

А наша Вера шла чуть впереди, разглядывая падающие хлопья серого снега, и когда увидела пару особо крупных сцепившихся вместе снежинок, сняла варежку и поймала их в ладонь. Они быстро растаяли, превратившись в серую лужицу в ее руке. Она достала стеклянную колбочку с такой же серой водой и

сравнила. – Никаких изменений, – констатировала девочка, и продолжила путь развлекая себя придумывая разные захватывающие истории.

Прошли довольно много не останавливаясь, но в конце концов ученые устали тянуть сани и решили передохнуть.

– Я отлучусь ненадолго, мне в туалет надо, – предупредила Вера. Отойдя метров на двадцать, вглубь леса, обернулась, и довольно отчетливо смогла разглядеть мужчин. Видно, здесь дул ветерок, и туман был не такой плотный, и девочка пошла дальше. Пробираясь в чащу, она периодически оборачивалась, так как очень стеснялась своих нужд, и хотела точно убедится, что ученые ее не увидят. Угрюмые деревья нависали и тянули к ней свои колючие руки. Наконец, когда забрела уже довольно далеко и не смогла разглядеть друзей, выбрала местечко под замерзшей сосной, присела и опорожнилась. Довольная, отряхнулась и уже собиралась возвращаться, но что-то ее отвлекло. Странный звук донесся до ушей, как будто голубь заворковал в лесу, и стала прислушиваться. Спустя некоторое время звук повторился, но теперь был больше похож на плач ребенка. Девочка встревожилась и пошла, в дебри, пытаясь понять откуда доносятся всхлипы. И видимо шла верным путем, ведь плачь, становился все громче и отчетливее, и уже, можно было разобрать, что это не детский плач, а скорее женский.

Девочка спустилась в низину с пригорка, но тут уже не было ветра, и туман был густой как смоль. Всхлипы усиливались, становясь громче и ближе, но Вера не могла ничего разглядеть, словно смотрела на мир сквозь очень пыльное стекло. Ей стало страшно и боязно. Она понимала на сколько опасно ходить маленькой девочке одной в этих местах, и уже собиралась вернуться. Но не решилась, так как была очень доброй и не могла бросить человека в беде. Наконец, она увидела еле различимый силуэт. Подойдя ближе, смогла разглядеть женщину. Та сидела у покосившейся березы и плакала.

– Привет, – крикнула Вера, находясь на почтительном расстоянии.

– А-а!!! Кто здесь? – закричала перепуганная девушка и схватилась за ружье, – Уходи, или я буду стрелять.

– Не стреляй, у меня нет оружия, и я не причиню тебе вред. Меня зовут Вера. А тебя? – на этих словах девочка подошла ближе. И теперь могла рассмотреть

незнакомку. Та была довольно привлекательна, густые, рыжие, вьющиеся волосы, зеленые большие глаза и пухлые губы. На ней была одета старая шуба. Но видно было, что с женщиной что-то случилось, так как шуба была подрана, а на лице были ссадины.

– Меня зовут Ольга. Уходи, девочка.

– Ну… Что значит уходи? Может, я могу тебе чем-то помочь?

– Себе помоги. Да проваливай, давай, я говорю. Глупая девчонка, – с раздражением сказала Ольга.

Вера была в замешательстве. Она не почувствовала опасности от незнакомой женщины с ружьем, и хотела ей помочь. Но как быть, как быть если человек настойчиво отказывается от твоей помощи?

– Ну перестань. Серьезно. Я не причиню тебе вред. Просто помочь хочу. Куда ты идешь? Расскажи, пожалуйста, – еще раз попробовала Вера завести разговор.

И тут Ольга вроде подобрела.

– Мы в Москву шли, но на нас напали. Чертовы каннибалы. Многих постреляли, а кого нет, увели в кандалах. Только я одна и спаслась. Плутаю третий день, думаю, помру скоро. Ну а ты как здесь одна очутилась? – Ольга уже перестала плакать и теперь с интересом разглядывала девочку, пытаясь утереть лицо меховым рукавом своей старой шубы.

– Я не одна. Со мной еще двое мужчин, они ученые. Мы на север идем, там земля теплая, там выжить можно. По крайней мере они так думают.

– Какая чушь. Я сама с севера. Нет там никакой теплой земли.

– Должна быть. Север большой. Мой отец ученый был, гидролог-сейсмолог он в этом разбирался. Только он умер, – грустно сказала Вера.

– Сочувствую. Я тоже многих потеряла. Зима никого не щадит, – также грустно вздохнула Ольга.

– Хочешь, я тебя с ребятами познакомлю?

– Иди отсюдова. Дура что ль? Я никому больше не верю, и тебе тоже, хватит с меня уже добрых людей, – Ольга покрепче сжала ружье и угрожающе наставила на девочку.

– Да ладно, не бойся. Хоть еды у нас и немного, но мы тебя накормим, поешь, да дальше пойдешь. Только в Москву не ходи, там совсем худо. Может и ты нам поможешь, расскажешь о местностях, а то, кажется, мы заблудились. И вообще, что тебе терять? – настаивала Вера.

Ольга задумалась не зная, что делать. Она бы и не дошла до Москвы в таком состоянии, в одиночку, даже если бы и захотела. Но поверить девочке, которая сулила ее накормить тоже было очень опасно.

– И что, твои друзья не будут против?

– Думаю, они обрадуются познакомиться с такой красоткой, – улыбнулась Вера.

Некоторое время Ольга грызла ногти в размышлениях, а потом сплюнула и обреченно сказала, – Действительно терять мне уже нечего. Пойдем, познакомишь меня с ними. Но если вы каннибалы, то держитесь, я за себя не ручаюсь, – и пригрозила девочке кулаком.

– Вера почему так долго? Ты что там какаешь, что ли? Будешь долго какать, попа будет болеть. Мы переживаем, – донеслись крики ученого до девушек.

– Кажется меня потеряли. Это, кстати, Александр он всегда так не смешно шутит, – сказала Вера, и девушки направились к ученым. – А хочешь, я тебе историю расскажу?

– Нет, – ответила Ольга с едва уловимой улыбкой на лице. Как бы замешкалась невзначай, поотстав на пару шагов, сняла ружье с плеча, и прицелилась в спину уходящей вперед девочки. Но постояв так секунду опустила ружье и последовала за ней.

Глава 2. “2030 год.”

Теплый октябрьский вечер, солнце садиться, а закатное небо особенно красное. В Москву по Киевскому шоссе едет колонна автобусов. Но они полны не усталыми гражданами, едущими домой с работы, а новобранцами призывниками, чьи скучающие лица не выражают ровным счетом ничего.

Этим вечером Вера, ее отец Виктор ученый гидролог-сейсмолог, и ее мать Ева преподаватель музыки и изящной словесности, ужинают. Вера с мамой о чем-то весело беседуют и смеются. Но Виктор их не слышал, он очень устал и погрузился в свои переживания. Он купил небольшой двухэтажный дом из красного кирпича в двадцати километрах от Москвы, и теперь каждый вечер ездил туда и руководил обустройством. Дом не был шибко богат, но имелся приличный дворовой участок, обнесенный высоким забором, что было особенно важно. Пусть цена немного завышена, но черт возьми, скоро деньги не будут иметь никакой ценности, думал ученый. На крыше дома он установил ветряной электрогенератор, а во дворе вырыл глубокий колодец, в три раза глубже обычного. Скоро должны были закончить монтаж автономных теплиц и достроить курятник. Вдоль забора, Виктор распорядился пустить колючую проволоку, и подключить электричество к ней.

Надеюсь, как вы уже смогли понять, ученый сооружал автономное убежище, где мог бы прожить со своими любимыми девочками хотя бы несколько лет.

Но нужно было еще очень много чего успеть. Заказать зерна для кур, купить медикаменты, оружие, настольные игры, перевезти пианино и еще очень много всего. У него трещала голова, он пытался удержать в ней все детали, все мелочи. Но главное, о чем он переживал. Как рассказать обо всем этом жене?

– Дорогой, ты согласен? – спросила Ева у мужа. Вырвав его из-под гнета раздумий.

Повисла пауза. Виктору показалось, что обращаются к нему.

– Конечно любимая. Конечно согласен, – ответил он, не имея понятия, о чем вообще идет речь.

– О-о! – удивилась Ева, – Ты очень толерантный человек. Жаль я не такая. Я бы не хотела, чтобы у нашей дочери в школе преподавали религиозное воспитание.

– Что? Какое еще религиозное воспитание? Куда катится этот мир? Мы отдадим нашу дочь в другую школу, – начал возмущаться Виктор, но быстро остыл, поняв, что выдал свое ментальное отсутствие последние двадцать минут.

– Так ты нас совсем не слуша… – теперь уже возмутилась Ева. Но Виктор снова переставал ее слышать, проваливаясь в свои мысли. Он пристально смотрел в лицо жены пустыми глазами, пытаясь понять, сможет ли его ферма дать достаточно калорий, чтобы накормить этот милый рот.

Ева ударила его по плечу кулаком, довольно сильно, и гневно сказала, – Эй! Ты можешь провести с нами этот вечер, и ни о чем не думать хоть какое-то время?

– Да, конечно, прости любимая. Все теперь я с вами, – сказал Виктор, поняв, что поразмышлять ему сегодня не удастся, и присоединился к семье. Он отрезал кусок давно остывшего мяса, макнул в брусничный соус и положил себе в рот, – М-м-м…. Потрясающий эскалоп, это шедевр. Даю тебе Мишленовскую звезду. Фердипердозно детка!

– Ты бы понял, что такое потрясающий эскалоп, если бы съел его раньше, когда он был еще горячий. Мы с Верой так старались для тебя. И вообще-то это ромштекс. Неотесанный мужлан.

Почувствовав недовольство жены, Виктор решил перевести разговор, – Ну что Вера? А как прошел твой день?

У девочки заискрились глаза, улыбка коснулась пухлых детских губ. Ей очень хотелось, чтобы папа спросил об этом, и наконец-то это случилось, – Знаешь, а день был прекрасный и замечательный. В школе мы репетировали новую пьесу, и у меня неплохо получалось. Она называется “Человек-масса”, ее написал, хм… кажется, Эрнст Толлер. И может, мне даже дадут главную роль.

– Толлер? Вы коммунисты что ли? – перебил Виктор дочь, подавляя смех.

– Причем здесь коммунисты? Ты послушай, – Вера встала из-за стола и изображая взрослую женщину, терзаемую внешними и внутренними конфликтами, стала читать с надрывом в голосе, – Унижая, унизились

И собственными стали палачами.

Открой глаза – дай хлынуть состраданью.

Нервы мои здоровы,

Я не сентиментальна —

Вот почему я с ними заодно.

О эти жалкие минуты, для дела общего назначенных часов.

К этому времени солнце уже село и пошел дождь, образовались многокилометровые пробки, так как движение на дорогах было перекрыто сотрудниками Гос Авто Инспекции. По коридорам свободных трасс, к центру Москвы с окраин, стекались вереницы военной техники. БТР, водометы и даже танки, гордо и грозно, с механическим урчанием, пугая зевак, следовали по дорогам, сначала дружными колоннами, но позднее рассредоточиваясь, каждый в своем направлении. Люди, видящие такое обычным, дождливым, осенним вечером, были не на шутку встревожены, снимали происходящее на телефоны и рассылали друг другу.

А Вера в эти секунды продолжала читать,

– Припадки слабости и самолюбья.

Товарищи краснеют друг за друга.

Когда они не могут брызнуть смехом

В лицо врагу, как я на вызов твой, – теперь она закончила, и изящно, театрально поклонилась, кажется оставшись довольной своим выступлением.

– Браво, браво! У тебя талант, – захлопала Ева в ладоши и поцеловала дочь в щеку, когда та вернулась за стол.

Остаток ужина дамы беседовали о пьесе и насущных женских делах и Виктору все же удалось еще немного поковыряться в своих мыслях. Но немного позже, когда вино дало о себе знать Ева встала из-за стола, извинилась, и отлучилась совсем ненадолго. Обратно она вернулась, держа в руках виниловую пластинку в картонной обложке, на которой красовался Энди Уильямс с белоснежной улыбкой, и то ли голубыми, то ли серыми глазами, точнее сказать было сложно, так как пластинка была не первой свежести, а ее обложка порядком выцвела. Приглушив свет и зажегши пару свечей, Ева наконец то поставила пластинку в старый немецкий патефон фирмы Voxonette в обивке из черной кожи, чья сменная стальная игла очень бережно скребла винил, позволяя пластинкам играть долгие годы.

– Как насчет танца любимый? – спросила она у мужа, покачивая бедрами, когда бархатный голос старины Энди наполнил комнату.

Но Виктор довольно умело отказался, сославшись на еду, сумев совсем не расстроить Еву.

– Я хочу потанцевать с тобой, я уже доела, – сказала Вера и бросилась в объятия матери.

Виктор наблюдал как его девочки вальсируют, вино грело душу, а песня Moon River всегда будоражила в нем тягу к приключениям. Он чувствовал себя счастливым этим вечером и хотел бы насладиться моментом, но закрыл глаза и вновь погрузился в свои размышления, так и не доев свой ромштекс. Или эскалоп? Нет, все же ромштекс.

***

Тем вечером, спустя пару часов после ужина, Ева уже лежала в кровати и готовилась ко сну читая любовный роман, самый обычный ничем не примечательный эротический рассказ, что свойственно большинству женщин ее лет. На ее прикроватном столике размещались, стакан с водой, маска для сна, и пачка таблеток пустырника, пару из которых она уже выпила. Сквозь приоткрытое окно комнату наполнял теплый, почти жаркий осенний ветер,

совсем несвойственный, Москве этого сезона, принося с собой запах улицы, выхлопных газов и увядающей травы.

А Виктор тем временем чистил зубы в ванной комнате, он уставился в одну точку и полностью погрузился в свои мысли, не замечая, как мыльная пена стекает по руке и капает с локтя мимо раковины на кафель. Он скрупулёзно перебирал все варианты развития событий в своей голове, пытаясь ничего не упустить, он должен был сделать все, чтобы защитить семью.

Ева устав от чтения отложила книжку. Какая же это сексистская дрянь. И зачем я ее купила, подумала она и сидела так некоторое время размышляя о книге. А спустя пару минут, руки сами потянулись к роману. Но увидев, что уже довольно поздно, а мужа все еще нет рядом она сказала, – Дорогой ты чистишь зубы уже двадцать минут. У тебя все в порядке? Ты сегодня сам не свой весь вечер.

Виктор прополоскал рот, вытер лицо полотенцем только сейчас заметив, что испачкал пол, но не удосужившись убрать за собой, так все и оставил, а войдя в комнату стал разглядывать фотографии на стене. Не зная, как рассказать плохие новости.

– Все хорошо, любимая, не переживай. Небольшие сложности на работе, всего лишь, – сказал он, продолжая разглядывать старые фотографии с полароида. Счастливые мгновения, запечатленные на бумаге, которые его жена хранила, а самые яркие моменты вешала на стену. Стандартный набор, фотографии из фотобудки, парка аттракционов, студенческие годы, рождение дочери, улыбки и эмоции.

Ева нахмурилась, ее тревожили эти слова. Скорее даже не слова, а интонации, с которыми Виктор произнес их. Но, по правде сказать, больше ее волновало состояние мужа, поэтому она не стала настаивать на разговоре, и лишь захотела отвлечь его. – Дорогой, любимый, посмотри на меня.

Виктор обернулся. Ева сидела на кровати скрестив ноги в позе лотоса. На ней была ажурная сорочка цвета лаванды. Она медленно спустила бретельки с плеч оголяя и демонстрируя свою красивую грудь, после скрестила руки над головой и покачала плечами в разные стороны. Груди двигались в такт. А Ева все повторяла и повторяла эти движения, пока Виктор наблюдал за ней в гипнотическом трансе. Но когда она остановилась, ее грудь все еще колыхалась

по инерции какое-то время.

– Иди ко мне любимый, – страстно прошептала она, сжимая себе соски, дабы как следует раззадорить мужа.

В этот момент проблемы Виктора испарились. Он снова был здесь и сейчас. И в мире не осталось ничего и никого, кроме них двоих. Он провел рукой по внутренней части своего левого бедра, у самого основания, прижимая штанину к паху с гордостью демонстрируя контур набухшего члена, после подошел и страстно поцеловал жену. Ему тоже было чем порадовать ее этой ночью.

***

Проснувшись утром и наспех позавтракав с семьей, Виктор вышел из дома, сел в свой старенький Chevrolet Captiva, который приобрёл, когда родилась Вера, для семейных путешествий, и отправился на работу. Светило солнце, кое-где деревья были уже желтые с красным отливом, но многие еще держались, сохраняя на себе достаточно зелени. Ему очень хотелось остановиться и насладиться моментом, ведь осень была его любимым временем года. Возможно, это последняя осень моей жизни, думал он, вглядываясь в безмятежные лица пешеходов и других автомобилистов.

Сегодня добираться до работы пришлось дольше обычного, так как во многих местах полиция перекрыла дорогу.

Листая радиостанции, остановился на новостной волне. После пары незначимых событий, диктор новостей заявила, – Власти США начали эвакуацию людей из штатов Вайоминг, Айдахо и Монтана на западное побережье.

– Ну наконец то, – буркнул Виктор, – будто это не самые важные новости сегодня, – и прибавив громкости продолжил слушать.

– Ученые заявляют об аномальной сейсмической активности. Тем временем власти России выступили с заявлением, что следят за ситуацией, и уверяют, что гражданам нашей страны ничего не угрожает.

– Идиоты! – выругался Виктор и выключил радио, так как уже подъехал к работе и искал место, чтобы припарковаться.

Проходя мимо кованых ворот, поздоровался с охранником, которого помнил еще со времен учебы здесь, тот учтиво кивнул. Пройдя по безлюдному саду и воспользовавшись центральным входом, оказался внутри здания из красного кирпича.

В холле, увидел группу коллег, ученых и преподавателей. Те, о чем-то оживленно спорили, стоя у гардероба, активно размахивая руками. Завидев Виктора один из ученых, спешно подошел к нему.

– Привет, Витя. Ну что, вот и конец? В США уже людей эвакуируют! А наши, войска к Москве стянули. Наверное, паника будет. Что думаешь? Как скоро все произойдет? – встревоженно спросил мужчина.

– Привет Олег. Не знаю. Сегодня, может завтра, максимум месяц. Никто точно не знает, – ответил Виктор, и крепко пожал руку своему старинному другу, – Пойдем посмотрим данные у меня в лаборатории.

Виктор и Олег быстрым шагом направились к центральной лестнице, и вверх по ней, на четвертый этаж, где и располагался кабинет. Остальные ученые поспешили за ними. Зайдя внутрь, Олег первым делом включил телевизор, на негосударственном канале, там показывали новости. Голос за кадром рассказывал о катастрофических последствиях извержения вулкана, для человечества. Но, впрочем, ученые и так знали это лучше остальных, ведь сами моделировали разные варианты развития событий в зависимости от силы взрыва. А результаты их опытов всегда варьировались от очень печальных, до абсолютно безнадежных. На экране телевизора велась трансляция в прямом эфире с вертолета, тот кружил над Йеллоустоунским национальным парком снимая окрестности.

– Не очень благоразумно летать там сегодня. Правда? – спросил как всегда встревоженный Олег. Но никто ему не ответил. Он обернулся, и увидел, как Виктор и остальные ученые смотрят в мониторы компьютера, разглядывая графики, которые сам он не видел за их спинами. Потом он увидел, как бешено бьется стрелка сейсмографа, стоящего у дальней стены, под экраном проектора. Услышал, как его перо царапает бумагу, и звук этот становился все громче и

громче в его голове. В какой-то момент Олег уже не слышал никого и ничего, кроме этого, всепоглощающего скрежета, а он все усиливался. Затылок горел. Он вытер пальцами верхнюю губу и увидел на них кровь, видимо она пошла носом из-за давления. Один из ученых схватился за голову и почти плакал.

– Ну вот и все, – сказал Виктор и повернулся к телевизору, как и остальные.

Олег не слышал этих слов, в его голове все еще не было ничего кроме скрежета, но и он перевел свой взгляд на экран, пытаясь понять, насколько все плохо.

Там была все та же картинка. Вертолет просто кружил над парком, показывая зеленые, почти первобытные леса, извилистые ручьи, впадающие в реки, и блестящие, как чешуя рыбы на солнце, озера. Для драматизма картины не хватало разве что стада бегущих бизонов, но они покинули эти места задолго до человека. Вертолет стал подниматься выше и направил камеру на определенный участок, там случился выброс огромного облака пара. Было заметно, что это произошло очень далеко, так как оператору пришлось включить цифровой зум, из-за чего картинка на экране стала дрожащей и пиксельной. Еще через пару секунд произошло извержение. В небо стал подниматься исполинский столб из пепла и пыли, а пробив ровную линию облаков, стал похожим на крест. (Позднее этот кадр облетел весь мир, и многие заявили, что это кара господня.) Огромные куски раскалённой породы взлетали в воздух, как лопающийся попкорн, а красная как пламя дракона лава расплескалась над лесом.

Картинка на экране затряслась. Взрывная волна дошла до вертолета. Трансляция оборвалась.

Глава 3. " Лето.”

– В тот день у нас была репетиция, я, кстати, так и не получила главной роли. Отец забрал меня, и мы поехали домой. Никогда не видела его таким растерянным. На работу он больше не ходил, а через пару дней мы переехали жить в деревню. Вот такая история. Ну, а ты что делала в тот день, когда извергся вулкан? – спросила Вера.

Ольга лежала рядом, в таком-же спальном мешке, который изначально полагался матери Веры, и уже проваливалась в сон. Впервые за последние много

дней она чувствовала себя в относительной безопасности и не умирала от холода и голода. Вчера незнакомая девочка все же уговорила ее пойти с ними на север, но Ольга так и не поняла смысл этого мероприятия, и уж тем более не верила в его успех. Еще очень насторожило то, с какой легкостью Александр и Олег приняли ее, согласившись делиться едой и защищать. Но теперь, засыпая в относительном тепле, Ольга объясняла это себе тем, что быть может мужчин подкупила ее врожденная красота и обаяние. Или, быть может то, что она хоть немного да знала эти места. Ну или, она просто наконец-то встретила хороших и добрых людей.

– Не помню. Я сама в деревне прожила всю жизнь. В настоящей деревне, не то что вы. У нас и телевизора не было. Так что мы могли и не знать, что что-то вообще случилось. А я тогда еще и выпивала много, поэтому смутно помню те дни, – бормотала Ольга, чувствуя, как веки ее тяжелеют с каждой секундой. – Теперь давно уже не прикладывалась к бутылке. Зато помню, когда все заволокло этим смогом и впервые пошел серый снег крупными хлопьями, заметая все. Да, да точно, я тогда была пьяна и это показалось мне очень красивым. Теперь смотреть на это не могу. Может спать уже будем? – глубоко зевнула она.

– Да, пора бы уже, – ответила Вера. Закрыла глаза и пожелав спокойной ночи, попыталась уснуть.

Но быстро уснуть не получилось. Девочка лежала в спальном мешке, ворочалась, копошилась, и вздыхала.

– Ты чего не спишь? – спросила Ольга, устав от этой возни.

– Знаешь… – на секунду Вера замолчала – вот же я глупая, совсем забыла помолиться перед сном. Все болтаю и болтаю без умолку. Может и ты могла бы со мной?

– Какая ерунда. Это еще за чем?

– Ну… чтобы Бог помог нам, чтобы была какая-то надежда.

– И как, помогает?

– Да пока, что-то не очень.

– Вот, вот. Ладно ты молись, а я присоединяюсь ко всему что ты скажешь. В следующий раз может и вместе. Глупая девчонка, – добро сказала Ольга, и не в силах более бороться со сном, расслабилась и уже бежала по цветущему маковому полю с горшочком золота в руках, пытаясь скрыться от лепрекона.

Но засыпая Ольга слышала все, о чем девочка просит господа. Та в свою очередь ничего не просила для себя, только для остальных. Просила позаботиться о родителях на небесах. Дать сил Александру и Олегу. Накормить всех голодных и вылечить больных. И даже для нее, для Ольги нашлось пару просьб о здоровье и радости. В конце, поблагодарив бога за новую знакомую Вера уснула.

Ольгу тронули эти слова и согрели ее холодную душу. Она высвободила руку из спального мешка, поближе придвинулась к Вере, обняла ее, прошептав, – Так будет теплее, – и уснула окончательно.

Ольга крепко спала этой ночью, и не видела никаких снов, а может и видела, но совсем их не запомнила. Когда проснулась, лежала в одиночестве и не сразу поняла, где она, и что происходит. Но услышав голоса ученых, которые о чём-то оживленно спорили вдалеке, все постепенно встало на свои места. Так девушка лежала и думала, как теперь изменится ее жизнь, и готова ли она к этому. Постепенно размышления о будущем стали перерастать в воспоминания, и анализ ошибок, которые она совершила за последнее время. И как только она дала себе твердое слово больше их не совершать, изменится и стать лучше, как тут шторки палатки распахнулись и сквозь щель вместе с порывом морозного ветра, протиснулась голова Веры.

– Ты проснулась, соня? Доброе утро. Сколько можно спать? Так, знаешь ли, мы никуда не дойдем, – улыбнулась голова Веры, пока остальное тело оставалось снаружи. – Мы уже позавтракали, но тебе оставили, иди ешь скорее, пока теплое.

– Доброе. Уже иду, – ответила Ольга, быстро собралась, так как спала в верхней одежде за исключением шубы и пошла завтракать. Выйдя из палатки, увидела вдалеке ученых, те о чем-то оживленно спорили, замеряя шаги и, казалось, вот-вот подерутся. Девушка помахала им рукой в знак приветствия, но те ее даже не заметили. Когда она взяла свою тарелку, то очень удивилась ее содержимому, в

ней лежал крекер, намазанный тонким слоем сливочного масла и отварное, еще теплое яйцо.

– Я еще понимаю крекер. Но откуда у вас яйца и масло? – с удивлением спросила Ольга, с набитым ртом.

– Это не масло, это маргарин. Масло тоже было, но мы его съели. А яйца от кур, мы их заморозили, они так долго-долго храниться могут. Кур же у нас много было, столько бед принесли. Из-за них то и погибли мои родители, но я тебе потом об этом расскажу. Ешь быстрее, пока Олег ворчать не стал, что мы копошимся.

Ольгу не пришлось долго уговаривать. Она уже покончила с крекером, почистила яйцо, и жадно откусила сразу половину. Жидкий желток растекся по языку, обволакивая вкусовые сосочки. Девушка закрыла глаза, растерев его по небу и деснам. – Ну и дела, – довольно пробормотала она, – всмятку! Я ж так больше всего люблю!

***

Закончив со сборами, двинулись в путь. Александр взял сани за левую оглоблю, а Олег за правую. Они всегда так вставали и не любили менять установленный порядок. С хрипами ученые медленно потянули сани, которые как им казалось, особенно тяжело едут сегодня. Рассуждая о том, не эффективнее ли сообразить упряжь. Или один будет тянуть, а другой толкать. Впрочем, об этом они размышляли каждое утро, когда их изможденным телам случалось тянуть это бремя. Но они так ни к чему и не пришли.

Тем временем девушки налегке, не обремененные поклажей (разве что у Ольги было небольшое ружьишко) постепенно отрывались от мужчин. Раньше и Вера могла так, уйти вперед одна. Но теперь, когда рядом была Ольга, девочка чувствовала себя в безопасности, и вдвоем они могли уйти гораздо дальше. Потом они ждали пока ученые их нагонят, сверялись с картой и компасом и снова шли вперед.

В очередной раз, скрывшись в тумане от глаз мужчин, Вера уже собиралась продолжить историю своей жизни как тут…

– Стой! – крикнула Ольга, и толкнула девочку на землю.

Вера упала, задев что-то ногой. Это что-то, оказавшись медвежьим капканом, захлопнулось с громким лязгающим звуком у самой щиколотки, слегка закусив подол шубы.

От испуга девочка вскрикнула. Бросив сани на крик, прибежали ученые.

– Что случилось? – спросил Олег, пытаясь перевести дух.

– Тут капкан медвежий сработал. Только вот сомневаюсь, что он на медведя стоит, – отвечала Ольга, на удивление спокойным голосом.

– А я вам говорил? Говорил. Здесь повсюду каннибалы, – стал паниковать Олег, всматриваясь в туман, и пытаясь разглядеть какую-либо опасность, исходящую из него, – я прям чувствую, как они вгрызаются в мое горло.

– Ой, пожалуйста, без драматизму. Все в порядке, никто не пострадал. Пойдемте уже, – успокаивающе сказала Ольга. Помогла Вере встать и отряхнула ее от снега.

Пройдя еще пару километров в тишине и раздумьях, путники увидели мертвое мужское тело. Этот бедняга попался в похожий капкан и не смог выбраться, умерев толи от холода, толи от полученных ран.

– Сука, – ругнулся Олег, – хоть разворачивайся, да домой иди.

– Кажется он не так давно умер. Может, посмотреть есть ли у него что? – спросил Александр, гусем вытянув шею, пытаясь разглядеть тело из далека.

И Олег согласился, но лицо его было искажено такой гримасой отвращения, будто его заставляют откусить кусок от этого трупа.

Вера смотрела, как ученые тормошат мертвеца, с глубокой болью в глазах, и кажется готова была заплакать.

Ольга заметила это и обняла девочку, – Да не смотри ты. Порой по-другому никак. Приходится делать мерзкие вещи, чтобы выжить, – сказала она и покрепче прижала Веру к груди.

Девочка почувствовала тепло женского тела, ей вспомнилась мама, которая вот так же ее обнимала. Сейчас Ольга казалась ей самым близким человеком на свете.

– Скажи, когда все закончится, – попросила Вера, закрыла глаза и уткнулась лицом в шубу новой подруги, пытаясь успокоиться.

Ольга стояла обнимала девочку и смотрела на мертвое тело. Как ученые небрежно, обыскивают и раздевают его. Ее глаза заблестели, сердце забилось чаще, она стала глубоко вдыхать морозный воздух, ее ноздри расширялись, пытаясь уловить запахи, а на губах застыла еле уловимая улыбка.

– Твое сердце так часто бьется, – прошептала Вера.

– Давно я ни с кем не обнималась. Ты такая теплая и пахнешь хорошо.

– Конечно. Я мылась всего две недели назад. В отличие от тебя. Ты, прости меня за прямоту, просто смердишь, – сказала девочка, и поймала себя на ощущение того, что испытывает иррациональную и глубокую привязанность, которую не может себе объяснить.

Мужчины вернулись. Александр держал в руках дубленку покойного, – Ничего ценного. Разве что это, – продемонстрировал он.

– Зачем тебе шуба мертвеца? – брезгливо спросила Вера.

– Это не шуба, это дубленка. Не знаю, можно на землю постелить под спальный мешок, чтоб теплее спалось. Или еще что придумать, – ответил Александр.

– Правильно в хозяйстве все пригодится, – Ольга радостно взяла шубу и зачем-то понюхала ее.

– Господи! Что ты делаешь? – запричитал Олег, как маленький ребенок, закрыв нос и рот ладонью.

– Как это что? Ты хочешь, чтобы у тебя в палатке мертвечиной пахло? – Ольга еще раз глубоко вдохнула, пытаясь понять какой аромат исходит от дубленки. Ее глаза опять заблестели, – Да запах есть. Ее нужно в снегу извалять и на костре подсушить как следует. И не веди себя словно дитя.

Вера засмеялась. Ей понравилось, что кто-то поставил на место, всегда такого умного и рассудительного Олега. Девочка была рада, а скорее даже возгордилась собой и своей новой подругой, за что сразу же…

– Прости меня господи за гордыню, – попросила у Бога прощения.

В течении следующих нескольких дней Вера сияла. Впервые после смерти родителей она чувствовала себя не одинокой, все меньше грустила, и все больше была в хорошем расположении духа. Она светилась, как будто излучая добро и радость изнутри себя. И каждому доставалось немного этого сияния.

В команде наступила гармония. Александр и Олег спорили меньше обычного, и даже как будто меньше пили. Почему-то всем тогда казалось, что все получится, что цель не эфемерна, а реальна и достижима, хотя путники были еще очень далеки от спасения.

В следующие несколько дней было преодолено большое расстояние. И не происходило ничего интересного, каждый день был похож на предыдущий. Разве что… произошел один случай, который поразил и даже немного напугал Веру. Но как такое случилось, она поймет, к сожалению, слишком поздно.

– Хочешь покажу фокус? – спросила как-то Ольга у Веры, заметив, что та снова погружается в печальные воспоминания.

Девочка вздрогнула, вернувшись в реальность, осмотрелась по сторонам, позади она увидела силуэты Александра и Олега в тумане, которые постепенно все больше отставали от них.

– Ну давай, – сказала она со скептицизмом и остановилась, – заодно ребят подождем.

Ольга напустила на себя загадочный вид, и стала говорить урчащим, таинственным голосом.

– Загадай число от одного до пяти, но не говори мне его. И не обманывай если я угадаю.

– Угу, загадала, – кивнула девочка.

– Теперь умножь его на четыре. Сколько получается?

– Двенадцать.

– Значит, ты загадала цифру три, – сказала Ольга, выдохнула и дальше говорила уже обычным голосом.

Вера усмехнулась, – Серьезно? С каких пор умножение стало фокусом? Чему вас только в школе учили? А на химию ты ходила и думала наверно, что это черная магия, – и засмеялась.

– Глупая девчонка. Поговори тут у меня давай. Фокус ведь не в этом был, а в том, чтобы поднять тебе настроение. И как видишь, получилось. А теперь серьезно, загадай число.

– Загадала.

Ольга приложила палец ко лбу и пристально посмотрела в глаза девочки, – М-м. Твое число пять.

– О-о. Правильно. Как ты угадала. Давай еще раз, – Вера закрыла глаза, думая, что Ольга просто читает ее по лицу.

– Четыре, – в этот раз Ольга ответила быстро, даже не задумавшись.

Вера насторожилась, – И снова правильно. Ты что читаешь мои мысли?

– Нет я просто ведьма, – на этих словах Ольга схватила Веру, крепко обняла и зарычала ей в ухо. Но у нее не очень-то получилось изобразить ведьму. Скорее ее рык был больше похож на рык беременной суки, у которой пытаются забрать кость.

Вера взвизгнула. А когда Ольга куснула ее в шею, громко засмеялась от щекотки.

Глава 4. “2031 год”

У дома правительства, на Краснопресненской набережной Москвы, стоят толпы разгневанных, голодных и от того очень свирепых людей. Они скандируют, долой правительство, долой президента, нам нужна еда. Людей собирается все больше и больше, они стекаются с разных улочек и становятся, огромной человеческой массой. Их сдерживают отряды полиции и армии в черном обмундировании, выстроенные в боевой порядок “чешуя”. Но защитников меньше, и обезумившие граждане их теснят. Из толпы оставшись незамеченным, кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью. Она озарила туманное небо яркой звездой, и упала у ног гвардейца, плавя серый снег. Огонь как будто придал силы митингующим, они с ярым напором навалились на защитные порядки, омоновцы достали дубинки и стали бить наотмашь. И снег стал красным.

***

Виктор вышел из теплицы, держа в руках, кузовок из луба, почти по края забитый разной снедью, и пусть капуста не уродилась, но картофель и морковь были прекрасными, а также яйца крупные, как будто и не куриные, а птицы поболее, которыми ученый особо гордился. Пройдя до крыльца, протаптывая и раскидывая ногами нападавший за ночь снег, тяжело вздохнул, поняв, что и сегодня придется чистить двор. От этого почти ежедневного занятия и строгого подсчета калорий, тело его приобрело точеный и резной вид, чем он не стеснялся пользоваться, расхаживая перед своей любимой, полуголый по пояс, словно атлет, бравируя своими мышцами. Та конечно же томно вздыхала, и закатывала глаза, готовая упасть без чувств, от такой красоты. Но сейчас Виктор

уже вошел в дом, сменив валенки на домашние тапочки, поднял корзину и потряс ей.

– Дорогая, смотри что добыл твой муженек, – сказал он, очень довольный собой.

– Срочно иди сюда! – прокричала Ева.

Зайдя в зал, Виктор увидел жену, сидящую у радиоприемника.

– Послушай, – сказала она.

Мужской голос диктора читал объявление, абсолютно сухим, безрадостным голосом, – Вчера митингующие захватили дом правительства. Правительство сложило свои полномочия. Главнокомандующий сил Российской Федерации, заявил о роспуске армии и полиции. Президент так и не появился перед народом, никто не знает где он, находится. Темные времена настали. Друзья мои оставайтесь человечными, любите друг друга. Мы будем держать вас в курсе событий. А на сегодня я прощаюсь с вами, – Трансляция закончилась, радио стало издавать белый шум.

Ева выключила Приемник и посмотрела на мужа. Ее глаза были полны тревоги. Она слегка похудела за последнее время, но худоба и английская бледность ей были даже к лицу, придавая аристократический вид.

Виктор обнял жену и поцеловал в щеку, – Не тревожься дорогая, я всегда буду рядом. Скоро все наладится, – сказал он, глядя ей в глаза.

– Я не тревожусь за нас. У нас все хорошо. Мне даже нравится здесь, эта спокойная жизнь, наедине с тобой и Верой. Но…. – Ева замешкалась, подбирая слова, – Но я тревожусь за остальных. Наши соседи не доедают. У многих ничего нет. Может мы можем что-то сделать для них? У нас иногда остается немного еды, мы могли бы кормить голодных? – поделилась она переживаниями.

И Виктор согласился, он не особо хотел, но всё же согласился. Не ради соседей, которых они почти не знали, а ради Евы, ради того, чтобы его жена почувствовала себя нужной не только своей семье.

Узнав о таком мероприятии от родителей, юная и добрая, тринадцатилетняя Вера загорелась. Ее очень воодушевила затея помогать бедным и теперь она всю неделю ела лишь пол порции, пытаясь побольше оставить нуждающимся.

А когда неделя подошла к концу и еды накопилось достаточно Ева и Вера наварили большую кастрюлю борща, несколько десятков яиц которые удалось сэкономить и испекли хлеб. А Виктор пожертвовал даже пять литров домашнего крепленого кваса, рецепт которого довел до совершенства, за месяцы, проведенные здесь. У ворот дома поставили стол и выставили на него всю еду. Соседей оповестили заранее.

Был хороший день. Снег падал мелкий и редкий, и почти неощутимый. Легкий ветерок, совсем неприносящий дискомфорта, гонял туман с места на место, не давая ему скапливаться в тугую пелену. Пришло человек двенадцать, может пятнадцать, в основном соседи, которых пригласили, но было также пара не знакомых лиц. Еды хватило вдоволь и все были очень рады. Восхищались кулинарными способностями Евы, хвалили Виктора за его щедрость, и говорили какая красивая, добрая дочка у них растет, просто чудо. Предлагали также помощь по хозяйству в знак благодарности.

Услышав похвалу, Вера сияла от радости, она испытала новое доселе незнакомое чувство. Девочка накормила соседей, но вместе с тем накормила и внутреннего бога добра, а похвала окружающих разбудила его. (Возможно, вы сочтете, что девочка испытала гордыню? Но я попросил бы вас не спешить.)

– Соседи, надеюсь мы станем друзьями. Приходите через неделю. Теперь, когда в стране нет власти, мы сами в ответе за себя и близких. Давайте любить друг друга и защищать, – сказала Ева по завершению вечера. Но видимо от волнения, ее голос был высокий и медленный, и был очень похож на голос Беллы Ахмадулиной, чью поэзию она любила как никакую другую.

Соседи, обомлевшие от чужой, бескорыстной сердечности, захлопали. Кто-то даже прослезился. Многие стали добрее в тот вечер, а разойдясь по домам, предались давно забытому акту интимной близости.

На следующее утро Вера проснулась с улыбкой на лице, но с ощущением некой пустоты в районе чревного сплетения. Это внутренний Бог добра в душе девочки уже проголодался. И теперь она ела лишь треть порции, за что родители

ворчали на нее. Но девочка нуждалась в том чувстве радости которое испытала в тот вечер. Сейчас для нее это было новым смыслом, наркотиком, если хотите, и ей требовалась все большая доза.

Снова прошла неделя. В этот раз людей собралось больше. Еды по-прежнему хватило на всех, но теперь люди поели не досыта. Сегодня Виктор вытащил пианино из дома, что стоило ему немалых усилий. Ева играла классические мелодии, а Вера спела песню.

И снова все были в восторге, хлопали и благодарили. Кто-то сказал, что Вера просто Ангел. Девочка чуть не потеряла сознание от удовольствия, она сияла. От нее как будто исходил свет.

Но сегодня никто не предлагал помощи по хозяйству. Это немного смутило ученого, на секунду ему показалось, что соседи воспринимают все как должное. Но на самом деле люди были очень рады и признательны. Они бы и хотели, но не знали, как отблагодарить Виктора и его семью, за такую доброту, ведь у них ничего не было. Разойдясь по домам, взрослые снова занялись любовью, а их дети спали крепким сном, сытые и счастливые.

Теперь Вера иногда и вовсе отказывалась от еды. Фантазируя как в следующий раз, накормит еще больше людей, как соседи будут хвалить ее, и ее внутренний бог добра лопнет от сытости, и она испытает невероятное наслаждение. Но Бог внутри девочки изменился, он стал больше похож на бога самодовольства и самолюбования, который насыщается похвалой, а не бескорыстной помощью голодным людям. (Видимо, вы все-таки были правы. Ведь девочка действительно возгордилась. За что Господь, взирая на нее, расстроенно цокает языком, покачивая седой головой.)

Шли недели, и с каждым разом людей собиралось все больше, и на каждого приходилось все меньше еды. Ева и Вера пытались компенсировать это все более грандиозными концертами. Теперь на пианино стояли свечи, а Ева, несмотря на холод, играла за ним в красивой одежде. Голодные мужчины бросали на девушек свои косые взгляды. Но Виктор пока не замечал этого, но подметил другое. Старые соседи, которые приходили еще с первого раза, относятся к происходящему как к должному и ворчат между собой, что откуда мол берутся эти новые незнакомые люди, они ведь здесь даже не живут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kozyaev_andrey/voshischenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити